Осень

Автор:
Али Смит

Осень

Али Смит

Воображению одного из самых одаренных британских писателей Али Смит почти нет равных. «Осень» – это роман-коллаж, состоящий из обрывков памяти, размышлений о природе искусства, комических эпизодов из современности. Это небольшая книга о большой любви, которая пересекает столетия.

Али Смит

Осень

© Нугатов В., перевод на русский язык, 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Посвящается Джилли Буш-Бейли, до встречи на следующей неделе и Саре Маргарет Харди многолетней Вуд

Маем станет вам зима,

Будут вам давать сады

Небывалые плоды.

Уильям Шекспир[1 - «Буря», акт 4, пер. М. Донского.]

При нынешних темпах эрозии почвы Британии осталось собрать всего сотню урожаев.

«Гардиан» от 20 июля 2016 года

Мы лежали в пшенице, на солнце, зеленые, словно трава.

Осси Кларк[2 - Реймонд «Осси» Кларк (1942–1996) – английский модельер, одна из ключевых фигур «свингующих 60-х».]

Если бы мне судилось познать здесь с тобой счастье, какой короткой показалась бы самая долгая жизнь!

Джон Китс

Нежно разрушьте меня.

У. С. Грэм[3 - Уильям Сидни Грэм (1918–1986) – шотландский поэт, часто ассоциируемый с Диланом Томасом и неоромантической поэтической группой.]

1

Это было худшее из всех времен, это было худшее из всех времен. В очередной раз. В этом суть вещей. Они распадаются, всегда распадались и всегда будут распадаться – такова их природа. Потому старого старика выбрасывает на берег. Он похож на проткнутый футбольный мяч с разошедшимися швами – типа тех кожаных, что люди пинали сотню лет назад. Море было бурным. Оно сорвало рубашку с его спины. Слова, нагие, словно я в день своего рождения, у него в голове, которую он поворачивает, но от этого больно. Так что старайся не

двигать головой. Что там у него во рту – песок? Это песок у него под языком, он его чувствует, слышит, как тот скрипит на зубах, пока он поет песнь песка:
я мелкая взвесь, но включаю мир весь, если ты упадешь, я всегда буду здесь, на солнце сверкаю, следы заметаю, посланье в бутылке, бутылка в волнах, стекло – тоже я, но для жатвы трудней нет зерна

нет зерна

Слова песни улетучиваются. Он устал. Песок во рту и в глазах, последние крупицы в горлышке песочных часов.

Дэниэл Глюк, твой люк наконец закрыт.

Он насилу открывает склеенный глаз. Но…

Дэниэл сидит на песке и камнях

…так вот она какая? В самом деле? Это и есть смерть?

Он заслоняет глаза. Очень яркий свет.

Солнечно. Но при этом ужасно холодно.

Он сидит на песчаном каменистом берегу, очень резкий ветер, солнце, конечно, светит, но не греет. Вдобавок голый. Немудрено, что ему холодно. Он опускает взгляд и видит все то же старое тело, изувеченные колени.

Он думал, что смерть очищает человека, сдирает с него гниющую гниль, пока он не становится легким, как облачко.

Похоже, в конце ты остаешься на берегу той самой личностью, которой был в момент ухода.

Если б я знал, думает Дэниэл, то постарался бы уйти в двадцать – двадцать пять.

Только добро.

Или, возможно (думает он, прикрывая рукой лицо, чтобы не оскорбить возможного наблюдателя, когда ковыряется в носу или рассматривает, что туда набилось, – это песок, прекрасные подробности, непривычная цветовая гамма распыленного мира, а затем вытирает его с кончиков пальцев), это и есть моя очищенная личность. В таком случае смерть – горькое разочарование.

Спасибо, смерть, что уделила мне время. Прошу извинить, но мне надо вернуться к этой, как его, жизни.

Он встает. Это не так уж и больно.

Ну вот.

Домой. В какую сторону?

Он разворачивается на сто восемьдесят градусов. Море, берег, песок, камни. Высокая трава, дюны. За дюнами – равнина. Вдоль равнины – деревья, полоска леса, которая бежит обратно к морю.

Море странное и спокойное.

Потом его вдруг поражает, как непривычно хорошо он сегодня видит.

В том смысле, что я вижу не только вон тот лес, вон то дерево и вон тот лист на вон том дереве. Я вижу черенок, соединяющий вон тот лист с вон тем деревом.

Он может рассмотреть наполненную семенную шапку на конце любой травинки вон на тех дюнах в таких подробностях, как будто пользуется оптическим зумом. Опуская взгляд на собственную руку, он видит не только свою руку в фокусе и не только налет песка на ладони, но даже несколько отдельных крупинок, так четко очерченных, что можно различить их края, хотя он (рука поднимается ко лбу) без очков!

Ну что ж.

Он стряхивает песок с ног, рук и груди, а затем и с ладоней. Наблюдает за полетом осыпающихся крупинок. Опускает руку и набирает в нее песка. Только взгляни. Как много.

Припев:

Сколько миров держит рука.

В горстке песка.

(Еще раз.)

Он раскрывает ладонь. Песок высыпается.

Теперь, встав на ноги, он чувствует голод. Разве можно быть мертвым и в то же время голодным? Разумеется, можно: все эти голодные духи, пожирающие сердца и души людей. Он полностью разворачивается к морю. Он не плавал на лодке больше пятидесяти лет, к тому же это на самом деле не лодка, а жуткий новомодный бар, заведение для речных вечеринок. Он садится на песок и камни, но болят кости в его… он не хочет выражаться, там дальше на берегу девушка, болят как, он не хочет выража…

Девушка?

Да, окруженная кольцом из девушек, исполняющих волнообразный танец, похожий на древнегреческий. Девушки довольно близко. Они приближаются.

Так не годится. Нагота.

Он снова смотрит новыми глазами туда, где минуту назад было его старое тело, и понимает, что мертв – наверное, мертв, безусловно, мертв, ведь тело не такое, как в последний раз, когда он смотрел на него: оно выглядит лучше, выглядит довольно хорошо, как и положено телу. Оно кажется очень знакомым, очень похожим на его собственное, но в ту пору, когда оно было молодым.

Девушка рядом. Девушки. Его охватывают сладкая глубокая паника и стыд.

Он бросается к длинным, поросшим травой дюнам (он умеет бегать, бегать по-настоящему!), прячет голову за пучком травы, проверяя, никто ли не следит, никто ли не идет, и – сломя голову (снова! даже не запыхавшись!) через равнину к лесу.

В лесу можно укрыться.

Возможно, там будет и чем прикрыться. Но какая чистая радость! Он уже и забыл, каково это – чувствовать. Или хотя бы осознавать собственную наготу рядом с чьей-то красотой.

Небольшая рощица. Он исчезает в этой рощице. Идеально: земля в тени, устланная листвой, палая листва под ногами (красивыми, молодыми) сухая и твердая, а на нижних ветвях – буйство ярко-зеленой листвы, и глянь-ка, волосы у него на теле снова черные как уголь – на руках и от груди до самого паха, где они густые, да и не только волосы, все утолщается, глянь-ка.

И впрямь рай.

Главное – никого не оскорбить.

Он может сделать здесь ложе. Может остаться тут, пока не сориентируется. Сорри-ентируется. (Каламбуры – прибежище бедняка; бедный старина Джон Китс, ну бедный-то он бедный, а вот старым его все-таки не назовешь. Осенний поэт, зимняя Италия, за несколько дней до смерти он вдруг стал каламбурить, словно будущего нет. Бедолага. Будущего действительно не было.) Он может навалить на себя эти листья, чтобы не замерзнуть ночью, если после смерти существует такое явление, как ночь, и если та девушка, те девушки хоть немного приблизятся, он навалит на себя целую груду, только бы их не оскорбить.

Скромняга.

Он и забыл, что в самом нежелании оскорбить есть телесность. Теперь его охватывает приятное чувство скромности, как будто он пьет цветочный нектар. Колибри просовывает клюв внутрь венчика. Такой густой. Такой сладкий. Какое слово рифмуется с нектаром? Он сошьет себе костюм из листвы, и, не успел он об этом подумать, как в руке вдруг появляются игла и какие-то золотистые

пестрые нитки на катушечке, глянь-ка. Он же мертвый. Скорее всего. В конце концов, быть мертвым – это, пожалуй, довольно хорошо. Это сильно недооценено современным западным миром. Кто-то должен им сказать. Кого-то нужно послать, чтобы он пробрался обратно, куда бы то ни было. Эмиссар. Аватар. Ягуар. Юбиляр. Циркуляр. Кулинар. Экземпляр. Санитар.

Он срывает зеленый лист с ветки над головой. Срывает еще один. Соединяет края. Сшивает их аккуратным… как его, сметочным или обметочным стежком? Глянь-ка. Он умеет шить. Не сказать, что умел при жизни. Смерть полна сюрпризов. Он подбирает охапку листвы. Садится, подгоняет края и шьет. Помнишь открытку со стеллажа в центре Парижа в 1980-х – с девочкой в парке? Она казалась одетой в опавшие листья. Черно-белое фото, сделанное вскоре после войны: ребенок со спины, одетый в листву, стоит в парке и смотрит на разбросанные листья и деревья перед собой. Трагический, но притягательный снимок. Что-то в самом ребенке плюс мертвые листья – страшная ненормальность, слегка похоже на лохмотья. Но, с другой стороны, это не лохмотья, а листья, так что снимок – вдобавок о магии и преображении. Но в то же время снимок, сделанный вскоре после, в то время когда ребенок, просто играющий в листве, мог напомнить при первом, случайном взгляде ребенка, которого поймали и «ликвидировали» (об этом больно думать)

или, возможно, девочку, выжившую после ядерного взрыва, свисающие листья напоминали кожу, превратившуюся в лохмотья и свисающую с одной стороны, словно кожа – не что иное как листья.

Поэтому снимок был притягательным еще и в том смысле, что он, подобно двойнику, приходил, чтобы утянуть тебя на тот свет. Один щелчок затвора (не могу вспомнить фамилию фотографа), и этот ребенок, одетый в листья, стал всем этим одновременно: грустная, страшная, смешная, пугающая, мрачная, светлая, чарующая, сказочная, былинная правда. Более приземленная правда заключалась в том, что он купил эту открытку (Буба![4 - Эдуар Буба? (1923–1999) – французский фотограф. Здесь и далее примечания переводчика.]Вот кто ее снял!), когда приехал в город любви с другой женщиной, любви которой он добивался, но которая его не любила, разумеется, не любила, женщина за сорок, мужчина за шестьдесят, ну, если честно, под семьдесят, и в любом случае он тоже ее не любил. Ей-богу. Глубинное расхождение, никак не связанное с возрастом, ведь в Центре Помпиду его настолько тронуло неистовство картины Дюбюффе, что в знак уважения он разулся и встал перед ней на колени. А женщина, которую звали Софи как-то

там, смутилась и в такси по дороге в аэропорт сказала, что в его возрасте поздновато разуваться в картинной галерее, пусть даже и современной.

Вообще-то он помнит лишь, как отправил ей открытку, а потом пожалел, что не оставил ее себе.

На обороте написал: «С любовью от старого ребенка».

Он постоянно искал этот снимок.

Но так и не нашел его.

Он вечно жалел, что не оставил его себе.

Сожаления после смерти? Прошлое после смерти? Неужели никогда не вырваться из чулана собственной личности?

Он выглядывает из рощицы на краю суши и моря.

Что ж, где бы я ни очутился в конечном счете, у меня есть это шикарное пальто из листьев.

Он укутывается в него. Как раз впору, и пахнет свежей листвой. Из него бы вышел неплохой портной. Он что-то сделал, своими руками. Его мама была бы наконец довольна.

О боже. Неужели после смерти тоже есть мама?

Он мальчик и собирает под деревьями каштаны. Раскалывает ярко-зеленые колючие оболочки и достает их, коричневые и блестящие, из податливых внутренностей. Наполняет ими кепку. Относит матери. Вот она с новым младенцем.

Не глупи, Дэниэл. Она не станет их есть. Никто их не ест, даже лошади: слишком горькие.

Семилетний Дэниэл Глюк, в хороших одежках (ему вечно говорили, как ему повезло в этом мире, где у многих так мало вещей), смотрит на конские каштаны, которыми ни за что не должен был пачкать свою хорошую кепку, и видит, как тускнеет их коричневый блеск.

Горькие воспоминания, даже после смерти.

Какая досада.

Не бери в голову. Взбодрись.

Он стоит на ногах. Снова надевает солидную личину. Идет на разведку, находит несколько крупных камней и пару больших палок, которыми помечает «двери» рощицы, чтобы потом их найти.

В ярко-зеленом пальто он выходит из леса и по равнине направляется обратно к берегу.

Но море? Безмолвное, словно во сне.

Девушка? Ни следа. Хоровод вокруг нее? Исчез. Однако на берег вымыло тело. Он идет взглянуть. Его собственное?

Нет. Это труп.

Рядом с ним лежит другой труп. За ним – третий, четвертый.

Он смотрит на темную полосу из выброшенных приливом мертвецов вдоль берега.

Среди них есть тела очень маленьких детей. Он садится на корточки возле вздувшегося мужчины с ребенком, на самом деле еще младенцем, под застегнутой курткой: ротик открыт, оттуда стекает морская вода, неживая головка лежит на груди разбухшего мужчины.

Дальше на пляже – другие люди. Такие же человеки, как и те на берегу, только живые. Они под зонтиками. Отдыхают поодаль от мертвецов.

С экрана доносится музыка. Один человек работает на компьютере. Другой сидит в тени и читает с маленького экрана. Третий дремлет под тем же зонтиком, четвертый втирает крем от загара в плечо и руку.

Визжащий от смеха ребенок забегает в воду и выбегает, увертываясь от волн покрупнее.

Дэниэл Глюк переводит взгляд с мертвых на живых, затем снова на мертвых.

Мировая скорбь.

Явно еще на этом свете.

Он смотрит на свое пальто из листьев, по-прежнему зеленое.

Вытягивает руку, по-прежнему чудесную, молодую.

Этот сон не будет долгим.

Он вырывает один листок с полы своего пальто. Держит его крепко. Заберет его с собой, если сможет. В доказательство того, где он побывал.

Что еще он может принести?

Как там было в припеве?

Сколько миров

В горсти песка

Сегодня среда, лето едва перевалило за половину. Элизавет Требуй – тридцатидвухлетняя внештатная младшая преподавательница-контрактница из одного лондонского университета, живущая в мире грез, как говорит ее мать (так оно и есть, если грезы – это когда нет никакой гарантии работы и почти все слишком дорого, а ты по-прежнему обитаешь в той самой съемной квартире, где

ютилась студенткой десять лет назад), – ушла на Главпочтамт в городе, ближайшем к деревне, где сейчас живет ее мать, чтобы «проверить и отправить» свою форму на паспорт.

По-видимому, эта услуга ускоряет процедуру. То есть паспорт выдадут в два раза быстрее, если ты придешь с заполненной формой, своим старым паспортом и новыми фотографиями, а уполномоченный почтовый служащий проверит всё это вместе с тобой, перед тем как отправить в паспортный стол.

Терминал выдает ей талон с номером 233 для обслуживания в окошке. Здесь немноголюдно, если не считать очереди из сердитых людей, протянувшейся через дверь к весам с самообслуживанием, для которых талонная система не предусмотрена. Однако выданный номер так далеко отстает от тех, что высвечиваются на табло у всех над головами с надписью «следующий на очереди» (156, 157, 158), да к тому же два одиноких человека за двенадцатью окошками так долго обслуживают предположительные номера 154 и 155 (она пробыла здесь двадцать минут, а клиенты так и не сменились), что она выходит из здания почтамта, пересекает газон и направляется в букинистический на Бернард-стрит.

Когда она возвращается десять минут спустя, клиентов по-прежнему обслуживают те же два одиноких человека за окошками. Но на экране теперь «следующими на очереди» значатся номера 284, 285 и 286.

Элизавет нажимает кнопку на терминале и получает другой талон – 365. Она усаживается на круглую лавку общего пользования посреди помещения. Внутри конструкции что-то сломано, и, когда Элизавет садится, раздается лязг, а человек, сидящий рядом с ней, подскакивает на пару сантиметров. Затем этот человек меняет положение, сиденье снова лязгает, и теперь уже Элизавет резко опускается на пару сантиметров.

Глядя в окна, она видит на другой стороне улицы роскошное муниципальное здание, где раньше помещался городской почтамт. Теперь там вереница дизайнерских сетевых магазинов. Духи. Одежда. Косметика. Элизавет снова окидывает взглядом помещение. На лавке общего пользования сидят практически те же самые люди, которые находились здесь, когда она вошла в первый раз. Она открывает книгу, которую держит в руке. «Дивный новый мир». Глава первая. «Серое приземистое здание всего лишь в тридцать четыре этажа. Над главным входом надпись «ЦЕНТРАЛЬНОЛОНДОНСКИЙ ИНКУБАТОРИЙ И

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР» и на геральдическом щите девиз Мирового Государства: «ОБЩНОСТЬ, ОДИНАКОВОСТЬ, СТАБИЛЬНОСТЬ»[5 - Здесь и далее перевод О. Сороки.].Час сорок пять минут спустя, когда она уже углубилась в книгу, ее окружают в основном те же люди. Они все так же смотрят в пустоту. Изредка лязгают сиденьем. Никто ни с кем не разговаривает. Никто не сказал ей ни единого слова за все время, что она находится здесь. Меняется только очередь, извивающаяся в сторону весов с самообслуживанием. Время от времени кто-нибудь пересекает помещение, чтобы посмотреть на памятные монеты на пластиковом стенде. Отсюда она может видеть, что это набор ко дню рождения или годовщине смерти Шекспира. На одной из монет череп. Значит, вероятно, годовщина смерти.

Элизавет возвращается к книге и, по случайному совпадению, обнаруживает на странице, которую читает, цитату из Шекспира: «О дивный новый мир!» Миранда возвещает, что мир красоты возможен, что даже этот кошмар можно преобразить в нечто прекрасное и высокое. «О дивный новый мир!» Это призыв, приказ. Поднять глаза и увидеть памятные монеты в ту самую секунду, когда книга демонстрирует свою связь с Шекспиром, – в этом действительно что-то есть. Элизавет ерзает на сиденье и нечаянно им лязгает. Женщина рядом слегка подскакивает, но не подает ни малейшего вида, что заметила это или что это ее волнует.

Забавно сидеть на таком индивидуалистическом сиденье общего пользования.

Однако Элизавет не с кем переглянуться по этому поводу, не говоря уж о том, чтобы поделиться своими мыслями о книге и монетах.

Так или иначе, это одно из тех совпадений, которые, возможно, означают что-то по телевизору и в книгах, но в реальной жизни не значат абсолютно ничего. Что можно поместить на памятной монете в честь дня рождения Шекспира? О дивный новый мир. Хорошо бы. Вероятно, примерно с таким чувством мы и рождаемся. Если кто-нибудь вообще это помнит.

Табло показывает 334.

– Здравствуйте, – говорит Элизавет мужчине в окошке минут сорок спустя.

– Количество дней в году, – говорит мужчина.

– Простите? – говорит Элизавет.

– Номер 365, – говорит мужчина.

– Пока я здесь ждала все утро, я успела прочитать почти целую книгу, – говорит Элизавет. – И мне пришло в голову, что, возможно, неплохо было бы завезти сюда книги, чтобы все люди, которым приходится ждать, могли бы еще и почитать, если захочется. Вы никогда не думали о том, чтобы открыть или оборудовать небольшую библиотеку?

– Забавно, что вы об этом сказали, – говорит мужчина. – Большинство людей приходят сюда вовсе не за почтовыми услугами. С тех пор как библиотека закрылась, они прячутся здесь, если на улице дождь или ненастье.

Элизавет оглядывается на свое только что оставленное место. Его заняла очень молодая женщина, кормящая грудью ребенка.

– Тем не менее спасибо за ваш вопрос, и надеюсь, что мы ответили на него, к полному вашему удовлетворению, – произносит мужчина.

Он собирается нажать на кнопку, чтобы взывать к окошку номер 366.

– Нет! – говорит Элизавет.

Мужчина помирает со смеху. Кажется, он пошутил: его плечи ходят вверх-вниз, но при этом не раздается ни звука. Это похоже на смех или на его пародию и одновременно слегка напоминает приступ астмы. Возможно, за окошком Главпочтамта просто не разрешается смеяться в голос.

– Я бываю здесь только раз в неделю, – говорит Элизавет. – Если бы вы так поступили, я смогла бы прийти только на следующей неделе.

Человек поглядывает на бланк «Проверить и отправить».

– Вполне возможно, что вы должны будете прийти еще раз на следующей неделе, – говорит он. – В девяти случаях из десяти что-то всегда оказывается не

так.

– Очень смешно, – говорит Элизавет.

– Я не шучу, – говорит мужчина. – С паспортами не шутят.

Мужчина вытряхивает все бумаги из ее конверта по свою сторону барьера.

– Только я должен вам сразу же пояснить, перед тем как мы приступим к проверке, – сказал он, – что если я начну сейчас и проверю вашу форму «Проверить и отправить» сегодня, то это будет стоить 9 фунтов 75 пенсов. То есть я хочу сказать: 9 фунтов 75 пенсов сегодня. Но если сегодня что-то случайно окажется не так, это все равно будет стоить 9 фунтов 75 пенсов, и вам нужно будет заплатить эти деньги сегодня в любом случае, даже если мы не сможем отослать форму по причине какой-нибудь ошибки.

– Хорошо, – говорит Элизавет.

– Но, несмотря на это, – говорит мужчина, – если что-то будет неправильно и вы заплатите 9 фунтов 75 центов сегодня (вам придется это сделать), а затем исправите все, что было неправильно, и принесете обратно в течение месяца, то в случае, если вы покажете квитанцию, у вас не потребуют еще раз 9 фунтов 75 пенсов. Тем не менее, если вы принесете все обратно по истечении месяца и не принесете с собой квитанцию, то у вас снова потребуют 9 фунтов 75 пенсов за новую услугу «Проверить и отправить».

– Понятно, – говорит Элизавет.

– Вы уверены, что все еще хотите приступить к проверке сегодня? – спрашивает мужчина.

– Угу, – отвечает Элизавет.

– Не могли бы вы сказать «да», а не издавать какой-то неопределенно-утвердительный звук?

– А… – говорит Элизавет. – Да.

– Несмотря на то что вам придется заплатить, даже если не получится отправить бланк сегодня?

– Я уже начинаю на это надеяться, – говорит Элизавет. – Еще осталась кое-какая старая классика, которую я не читала.

– Вам это кажется остроумным? – говорит мужчина. – Хотите, чтобы я сходил за бланком для жалоб и вы могли бы его заполнить, пока будете ждать? Однако в этом случае вынужден сообщить, что вам придется отойти от окошка, пока я обслужу кого-нибудь другого, а поскольку у меня скоро обеденный перерыв, вы потеряете следующее место в очереди и вам придется взять в терминале новый талон на кассовое обслуживание и дождаться своей очереди.

– У меня нет абсолютно никакого желания на что-либо жаловаться, – говорит Элизавет.

Мужчина смотрит на заполненную ею форму.

– У вас и правда фамилия Требуй? – спрашивает он.

– Угу, – говорит Элизавет. – В смысле, да.

– А вам подходит, – говорит он. – Как мы уже удостоверились.

– А… – говорит Элизавет.

– Шутка, – говорит мужчина.

Он поднимает и опускает плечи.

– Вы уверены, что написали свое имя правильно? – спрашивает он.

– Да, – отвечает Элизавет.

– Это не общепринятое его написание, – говорит мужчина. – Обычно принято писать его через «б». Насколько мне известно.

– Мое через «в», – говорит Элизавет.

– Как вычурно, – говорит мужчина.

– Это мое имя, – говорит Элизавет.

– Обычно так пишут люди из других стран, не правда ли? – говорит мужчина.

Он пролистывает просроченный паспорт.

– Но здесь сказано, что вы британка, – говорит он.

– Я британка, – говорит Элизавет.

– И здесь такое же написание, через «в», – говорит он.

– Поразительно, – говорит Элизавет.

– Не ерничайте, – говорит мужчина.

Теперь он сравнивает фотографию в старом паспорте с новой серией снимков, сделанных в кабинке, которые Элизавет принесла с собой.

– Узнаваема, – говорит он. – Хотя и с трудом. (Плечи.) И это всего лишь перемены между двадцатью и тридцатью двумя годами. Вот погодите, увидите, какая будет разница, когда снова придете сюда за новым паспортом через десять лет. (Плечи.)

Он сверяет цифры, которые она написала на форме, с цифрами в просроченном паспорте.

– Собираетесь в путешествие? – спрашивает он.

– Возможно, – говорит Элизавет. – На всякий случай.

– Куда планируете отправиться? – спрашивает он.

– Есть куча разных мест, – говорит Элизавет. – Кто знает. Мир – раскрытая устрица.

– Страшная аллергия, – говорит мужчина. – От одного только слова. Если я сегодня умру, буду знать, кого винить.

Плечи – вверх-вниз.

Затем он кладет фотографии из кабинки перед собой. Его рот съезжает на сторону. Мужчина качает головой.

– Что такое? – спрашивает Элизавет.

– Ничего, думаю, все нормально, – говорит он. – Волосы. Их нужно полностью убирать с глаз.

– Но они же полностью убраны, – говорит Элизавет. – Ничуть не закрывают глаза.

– Они тоже ничуть не должны закрывать лицо, – говорит мужчина.

– Они же у меня на голове, – говорит Элизавет. – Они там растут. И мое лицо тоже на голове.

– Ваше остроумие, – говорит мужчина, – ни на йоту не изменит требований, установленных для того, чтобы вы могли в конце концов получить паспорт, который вам понадобится, прежде чем вам разрешено будет выехать за пределы нашего острова. Иными словами, оно не приведет вас никуда.

– Ладно, – говорит Элизавет. – Спасибо.

– Думаю, все нормально, – говорит мужчина.

– Хорошо, – говорит Элизавет.

– Подождите, – говорит мужчина. – Подождите минутку. Всего одну…

Он встает со стула и нагибается позади барьера. Опять распрямляется с картонным ящиком в руках. Там лежат всякие ножницы, ластики, степлер, скрепки и свернутая мерная лента. Он берет ленту и разворачивает первые несколько сантиметров. Прикладывает ленту к одной из фотографий Элизавет, сделанных в будке.

– Да, – говорит он.

– Да? – повторяет Элизавет.

– Так я и думал, – говорит он. – 24 миллиметра. Как я и думал.

– Хорошо, – говорит Элизавет.

– Ничего хорошего, – говорит мужчна. – Боюсь, совсем ничего хорошего. У вас лицо неправильного размера.

– Как у меня может быть лицо неправильного размера? – говорит Элизавет.

– Вы не следовали инструкциям по заполнению лицевой рамки, если, конечно, фотобудка, которой вы воспользовались, соответствует паспортным инструкциям, – говорит мужчина. – Конечно, будка, которой вы воспользовались, возможно, не соответствовала паспортным инструкциям. Но, боюсь, это все равно не поможет.

– Какого размера должно быть мое лицо? – спрашивает Элизавет.

– Правильный размера лица на фотографии, – говорит мужчина, – от 29 до 34 миллиметров. Вашему 5 миллиметров не хватает.

– Почему мое лицо должно быть определенного размера? – спрашивает Элизабет.

– Потому что таковы требования, – говорит мужчина.

– Это для технологии распознавания лиц? – спрашивает Элизавет.

Мужчина впервые смотрит на нее в упор.

– Разумеется, я не могу обработать форму без соблюдения надлежащих требований, – говорит он.

Он берет лист бумаги из стопки справа от себя.

– Вам нужно сходить в «Моментальные снимки», – говорит он, ставя металлической печатью маленький круглый штамп на листе бумаги. – Они сделают для вас все согласно надлежащим требованиям. Куда вы планируете поехать?

– Никуда, пока не получу новый паспорт, – говорит Элизавет.

Он указывает на непропечатанный кружок рядом с пропечатанным.

– Если вы вернетесь в течение месяца, начиная с этой даты, при условии, что все будет правильно, вам не придется платить еще раз 9 фунтов 75 центов за новую услугу «Проверить и отправить». Так куда, вы там сказали, собираетесь поехать?

– Я ничего не сказала, – говорит Элизавет.

– Надеюсь, вы не поймете превратно, если я напишу в этой рамочке, что у вас не все в порядке с головой, – говорит мужчина.

Его плечи не движутся. Он пишет в рамочке рядом со словом «Другое»: ГОЛОВА НЕПРАВИЛЬНЫЙ РАЗМЕР.

– Если бы это был телесериал, – говорит Элизавет, – знаете, что произошло бы теперь?

– По телевизору в основном показывают всякую чепуху, – говорит мужчина. – Мне больше нравятся телеприставки.

– Я хотела сказать, – говорит Элизавет, – что в следующих кадрах вы бы умерли от отравления устрицами, а меня бы арестовали и обвинили в том, чего я не совершала.

– Сила внушения, – говорит мужчина.

– Внушение силы, – говорит Элизавет.

– Очень умно, – говорит мужчина.

– А суждение о том, что моя голова на фотографии неправильного размера, означало бы, что я, вероятно, совершила или собираюсь совершить что-то действительно неправильное и противозаконное, – говорит Элизавет. – И то, что я спросила вас о технологии распознавания лиц, то, что мне случайно известно о ее существовании и я спросила вас, пользуются ли ею паспортисты, также ставит меня под подозрение. А в вашем личном отношении к нашей истории сквозит мысль о том, что я, возможно, какая-то ненормальная, раз в моем имени вместо «б» стоит «в».

– Простите? – говорит мужчина.

– Как, например, если ребенок в сериале или фильме проезжает на велосипеде, – говорит Элизавет, – если вы смотрите фильм или сериал, и там ребенок уезжает на велосипеде, и вы видите, как ребенок удаляется все больше и больше, особенно если камера расположена сзади ребенка, в общем, с этим ребенком обязательно что-то должно случиться, вы наверняка видите в последний раз этого ребенка, хотя он по-прежнему ни в чем не виновен. Просто вы не можете быть ребенком и уезжать на велосипеде, потому что вы уже уходите в магазин. Или если счастливый мужчина либо женщина ведет машину, просто с удовольствием ведет машину, и больше ничего не происходит – особенно если эта сцена монтируется с той, где кто-то другой ждет этого человека домой, – то он или она, скорее всего, разобьется и погибнет. Или если это женщина, то ее похитят, и она станет жертвой чудовищного сексуального преступления либо пропадет без вести. Скорее всего, он или она, так или иначе, мчится навстречу своей гибели.

Человек складывает квитанцию «Проверить и отправить» и засовывает ее в конверт, который Элизавет дала ему вместе с формой, старым паспортом и

неправильными фотографиями. Он протягивает все это обратно через барьер. Она видит в его глазах страшное отчаяние. Он видит, что она это видит, и еще больше ожесточается. Выдвигает ящик стола, достает оттуда ламинированный лист и ставит его перед барьером.

«Касса закрыта».

– Это не кино, – говорит мужчина. – Это почтамт.

Элизавет провожает его взглядом, пока он выходит через вращающуюся дверь.

Она прокладывает себе дорогу сквозь очередь самообслуживания и выходит из некиношного почтамта.

Пересекает газон и идет к автобусной остановке.

Она отправляется в ОАО «Медицинские услуги Молтингс» на встречу с Дэниэлом.

Дэниэл все еще жив.

Последние три раза, когда Элизавет здесь была, он спал. Он будет спать и на этот раз, когда она туда доберется. Она сядет на стул рядом с кроватью и достанет из сумки книгу.

Дивный старый мир.

Дэниэл будет спать так крепко, как будто он больше никогда не проснется.

– Здравствуйте, мистер Глюк, – скажет она, если он все же проснется. – Простите, что опоздала. Мне измеряли лицо и отвергли его по причине неправильных габаритов.

Но об этом не стоит и думать. Он не проснется.

В противном случае он первым делом сообщил бы ей какой-нибудь факт о том богатейшем месте в мозгу, куда он глубоко погрузился.

– Какая длинная очередь вдоль всей горы, – сказал бы Дэниэл. – Вереница бродяг от подножия до самой вершины одной из гор Сакраменто.

– Звучит нешуточно, – сказала бы она.

– Так оно и было, – сказал бы он. – Любая шутка – это очень серьезно. А он был величайшим на свете комиком. Он нанял их, целые сотни, и они были настоящими – настоящие бродяги для его бродяги-кинозвезды, настоящие одиночки, пропащие бездомные люди. Он хотел, чтобы это было похоже на настоящую «золотую лихорадку». Местная полиция сказала, чтобы продюсеры не платили бродягам ни цента, пока их всех не загребут и не отвезут обратно в Сакраменто. Не хотели, чтобы они расползлись по всему округу. А когда он был еще мальчиком – мальчиком, который потом стал одним из богатейших и известнейших людей в мире, – когда он был мальчиком в работном доме для детей, в сиротском приюте, когда его мать увезли в психушку, на Рождество ему подарили мешочек с конфетами и апельсином: все местные детишки получили то же самое. Но разница была в том, что он растянул этот декабрьский мешочек с конфетами до самого октября.

Он покачал бы головой.

– Гений, – сказал бы он.

Потом бы покосился на Элизавет.

– А, здравствуй, – сказал бы он.

Посмотрел бы на книгу у нее в руках.

– Что читаешь? – спросил бы он.

Элизавет показала бы обложку.

– «Дивный новый мир», – сказала бы она.

– А, это старье, – сказал бы он.

– Мне в новинку, – сказала бы она.

Тот минутный диалог? Только в воображении.

Дэниэл сейчас в фазе усиленного сна. Каждая сестричка, которая случайно оказывается на дежурстве, всегда считает нужным объяснить, пока Элизавет сидит с ним, что фаза усиленного сна наступает, если человек при смерти.

Он такой красивый.

Такой крошечный в кровати. Кажется, будто он всего лишь голова. Он стал таким маленьким и хрупким, худым, как скелет мультяшной рыбы, оставленный мультяшным котом, его тело настолько истончилось под одеялами, что не производит почти никакого впечатления: просто голова, лежащая сама по себе на подушке, голова с выемкой, и эта выемка – рот.

Его глаза закрыты и слезятся. Между вдохом и выдохом проходит много времени. Во время этой долгой паузы он вообще не дышит, так что всякий раз, когда он выдыхает, есть риск, что он может больше не вдохнуть: вряд ли кто-нибудь способен не дышать так долго и при этом оставаться дышащим и живым.

– Старость – не радость, но он молодцом, – говорят сестрички.

– Ему и так подфартило, – говорят сестрички, словно намекая, что уже недолго осталось.

– Да что вы говорите?

Они не знают Дэниэла.

– Вы ближайшая родственница? Просто мы безуспешно пытались связаться с ближайшими родственниками мистера Глюка, – сказали в регистратуре, когда Элизавет пришла в первый раз. Элизавет солгала, даже не запнувшись. Она дала им номер своего мобильного, домашний номер и домашний адрес своей матери.

– Нам понадобятся документы, удостоверяющие личность, – сказали в регистратуре.

Элизавет достала паспорт.

– Извините, но этот паспорт просрочен, – сказали в регистратуре.

– Да, но всего месяц назад. Я собираюсь продлить срок его действия. Ведь ясно же, что это я, – сказала Элизавет.

Женщина из регистратуры принялась распинаться о том, что разрешено, а что не разрешено. Затем что-то произошло у входной двери: колесо инвалидного кресла застряло в пазу между пандусом и краем двери, и женщина из регистратуры пошла найти кого-нибудь, чтобы он высвободил кресло. Из подсобки вышла ассистентка. Заметив, как Элизавет положила свой паспорт обратно в сумочку, ассистентка предположила, что паспорт уже проверили, и распечатала карточку посетителя для Элизавет.

Глядя на мужчину в инвалидном кресле, застрявшем в пазу, она улыбается. Мужчина оглядывается на нее, как будто не знает, кто она такая. Впрочем, он и впрямь не знает.

Она заносит стул из коридора и ставит его рядом с кроватью.

Потом достает книгу, прихваченную с собой на тот случай, если Дэниэл откроет глаза (он не любит знаков внимания).

С раскрытой книгой в руках – «Дивный новый мир» – она смотрит на макушку его головы. Смотрит на темные пятна на коже под остатками волос.

Дэниэл лежит неподвижно, как покойник. Но он все еще жив.

В растерянности Элизавет достает телефон. Набирает на нем слово «еще» – просто взглянуть, что выскочит.

Поисковик мгновенно находит череду предложений, демонстрирующих употребление слова.

«Еще не вечер!

Она все еще держала Джонатана за руку.

Когда они обернулись, Алекс был еще верхом на лошади.

Она еще выглядела стильно.

Толпа еще стояла и ждала.

Псамметих испробовал еще один план.

Еще были живы люди, знавшие братьев Райт».

– Ах да, Орвилл и Уилл – летучие братья, с которых все это началось, – молча говорит Дэниэл, неподвижно лежащий на кровати. – Всего за один день эти ребята подарили нам целый мир: воздушную войну и все эти скучающие, беспокойные очереди на проверку безопасности по всему свету. Но я готов поспорить (говорит/не говорит он), что в этом списке нет слова «вещество».

Элизавет прокручивает вниз, чтобы проверить.

– А это слово «прокручивать», – молча говорит Дэниэл, – напоминает мне обо всех свернутых свитках, не читанных вот уже два тысячелетия, что все еще ждут своего часа в пока еще не раскопанной библиотеке Геркуланума.

Она прокручивает страницу до самого низа.

– Вы правы, мистер Глюк. Никаких веществ.

– Но я еще выгляжу стильно, – говорит/не говорит Дэниэл.

Дэниэл лежит совершенно неподвижно на кровати, и впадина его рта, эти непроизнесенные слова служат порогом, за которым заканчивается известный

ей мир.

Элизавет смотрит на старый жилой дом с меблированными комнатами – из тех, что сносят бульдозерами и что с грохотом рушатся на старой пленке 1960–1970-х годов, когда модернизировали британские города.

Он все еще стоит, но уже на фоне разоренного ландшафта. Все другие дома на улице выдернуты, словно порченые зубы.

Она распахивает дверь. В прихожей темно, обои потемнели и покрылись пятнами. В гостиной пусто, никакой мебели. Половицы кое-где выломаны тем, кто здесь жил или самовольно вселился, и сожжены в камине: сноп сажи и копоти над старой полкой взметается чуть ли не до потолка.

Она представляет стены гостиной белыми. Представляет всё внутри беленым.

Даже дыры в полу, на месте выломанных белых досок, побелены изнутри.

В окна дома видна высокая изгородь из бирючины. Элизавет выходит на улицу, чтобы побелить и эту высокую изгородь.

Сидя на беленой старой кушетке с торчащей из нее набивкой, тоже жесткой от белой эмульсионной краски, Дэниэл смеется над тем, что она делает. Он смеется молча, но обхватив ступни, точно ребенок, пока она красит один крохотный зеленый листочек за другим.

Он ловит ее взгляд. Подмигивает. Ну, вот и все.

Они оба стоят в безупречно чистом белом помещении.

– Да, – говорит она. – Теперь мы сможем выручить за него целое состояние. Лишь очень богатые люди могут позволить себе в наше время такой минимализм.

Дэниэл пожимает плечами. Plus ?a change.

– Пойдем погуляем, мистер Глюк? – спрашивает Элизавет.

Но Дэниэл уже выходит сам, с приличной скоростью пересекая белую пустыню. Элизавет пытается его догнать. У нее едва получается. Просто он всегда намного ее опережает. Белизна тянется перед ними до бесконечности. Когда Элизавет оглядывается через плечо, она тянется до бесконечности и за спиной.

– Кто-то убил женщину – члена парламента, – говорит она Дэниэлу в спину, пытаясь поравняться. – Мужчина застрелил ее, а затем напал с ножом. Как будто мало просто застрелить. Впрочем, это уже старая новость. Раньше этой новости хватило бы на целый год. Но в наше время новости – это стадо разогнавшихся овец, сбегающих по крутому склону.

Дэниэл кивает затылком.

– Томас Харди на «скорости», – говорит Элизавет.

Дэниэл останавливается и поворачивается. Он добродушно улыбается.

Его глаза закрыты. Он делает вдох. Выдох. Его одежда сшита из больничных простыней. В уголках стоят больничные штампы, изредка она их замечает – розово-голубые печати на манжетах или в углу подкладки внизу пиджака. Дэниэл чистит белый апельсин белым перочинным ножом. Спираль кожуры опадает в белизну, словно в глубокий снег, и исчезает. Дэниэл наблюдает за этим и раздраженно цыкает. Он смотрит на очищенный апельсин в руке. Тот белый. Дэниэл качает головой.

Он хлопает по карманам, груди, штанам, словно что-то ищет. Потом вытаскивает прямо из грудной клетки, из ключицы, будто фокусник, свободно плывущую массу цветного апельсина.

Он набрасывает его, точно огромный плащ, на белизну перед собой. Но, прежде чем тот оседает вдали, Дэниэл накручивает чуточку на палец и обматывает им белоснежный апельсин, который по-прежнему держит в руке.

Белый апельсин приобретает естественный цвет.

Дэниэл кивает.

Он вытягивает из середины себя зеленый и синий цвета, точно череду носовых платков. Оранжевый в его руке оборачивается сезанновскими цветами.

Дэниэла окружает оживленная толпа.

Люди выстраиваются в очередь, приносят свои белые предметы, протягивают их.

Анонимы начинают оставлять комменты о Дэниэле под Дэниэлом – размером с запись в Твиттере. Они комментируют его способность изменять предметы.

Комменты становятся все враждебнее.

Люди начинают гудеть, как рой шершней, и Элизавет замечает, что к ее босым ногам очень близко подбирается что-то похожее на жидкие экскременты. Она старается не ступить в них.

Призывает и Дэниэла смотреть, куда ступает.

– Небольшой перерывчик? – спрашивает медсестра. – Ничего страшного, да?

Элизавет приходит в себя, открывает глаза. Книга падает с колен. Элизавет подбирает ее.

Сестричка открывает кран на мешочке с жидкостью для регидратации.

– Кое-кому приходится пахать, чтоб прокормиться, – говорит она.

Она подмигивает Элизавет.

– Я просто задумалась, – говорит Элизавет.

– Он тоже, – говорит сестричка. – Очень милый, вежливый джентльмен. Мы по нему скучаем. Фаза усиленного сна. Обычно такое бывает, когда дело идет (небольшая пауза перед последним словом) к концу.

«Паузы – точный язык, еще выразительнее, чем сама речь», – думает Элизавет.

– Пожалуйста, не говорите о мистере Глюке так, словно он вас не слышит, – говорит она. – Он слышит вас так же хорошо, как и я. Хотя и кажется, будто он спит.

Сестричка цепляет график, на который смотрела, обратно на поручень на дальнем конце кровати.

– Один раз я его мыла, – говорит она, как будто Элизавет здесь тоже нет, а сама она вполне привыкла к тому, что здесь нет людей или приходится вести себя так, как будто их нет, – а в холле громко работал телевизор, и дверь была открыта. Он вдруг такой открывает глаза и садится прямо в кровати, посредине. Реклама супермаркета. У людей над головой включается песня, и все покупают товары, но роняют их на пол и пляшут такие по всему магазину, а он такой садится в кровати и говорит, это моя, это я написал.

– Старая «королева», – еле слышно говорит мама Элизавет.

– Но почему именно он? – спрашивает она на своей обычной громкости.

– Потому что он наш сосед, – отвечает Элизавет.

Это было во вторник вечером, в апреле 1993-го. Элизавет было восемь лет.

– Но мы с ним даже незнакомы, – сказала мама.

– Нам нужно побеседовать с соседом о том, что значит быть соседями, а потом составить его словесный портрет, – сказала Элизавет. – Ты должна пойти со мной, я должна подготовить пару-тройку вопросов и задать их соседу для портрета, и ты должна меня сопровождать. Я же говорила тебе. Я говорила тебе в пятницу. Ты сказала, что мы пойдем. Это для школы.

Мама поправляет макияж на глазах.

– Но о чем? – спрашивает мать. – Обо всем этом заумном искусстве, что у него там?

– У нас тоже есть картины, – сказала Элизавет. – Разве это заумное искусство?

Она посмотрела на стену у матери за спиной, на картину с рекой и домишком. Картину с белками, сделанными из настоящих сосновых шишек. Плакат с танцовщицами Анри Матисса. Плакат с женщиной в юбке и Эйфелевой башней. Увеличенные фотографии ее бабушки и дедушки, когда мама была еще маленькой. Снимки мамы, когда она была еще грудничком. Снимки самой Элизавет-грудничка.

– Камень с дыркой посредине. Посредине его гостиной, – говорила мама. – Это самое что ни на есть заумное искусство. Я не особо любопытничала. Просто проходила мимо. Свет был включен. Я думала, тебе нужно собирать и определять опавшие листья.

– Это было типа недели три назад, – сказала Элизавет. – Так ты идешь?

– А нельзя позвонить Эбби и задать ей вопросы по телефону? – спросила мама.

– Но мы же больше не живем рядом с Эбби, – сказала Элизавет. – Нужен тот, кто наш сосед именно сейчас. И надо разговаривать лично, это интервью с глазу на глаз. И я должна спросить, как было там, где сосед вырос, и какой была жизнь, когда сосед был в моем возрасте.

– У людей есть частная жизнь, – сказала мама. – Нельзя просто так совать нос в их дела и все вынюхивать. Да и вообще. Зачем школе знать о наших соседях?

– Просто нужно, и все, – сказала Элизавет.

Она пошла и села на верхней ступеньке лестницы. Кончится тем, что она, новенькая, не выполнит домашку. С минуты на минуту мама скажет, что идет за покупками в ночной «Теско» и вернется через полчасика. А на самом деле вернется через два часа. От нее будет пахнуть сигаретами, и она не принесет

ничего из «Теско».

– Это по истории, о том, как быть соседями, – сказала Элизавет.

– Наверное, он плохо говорит по-английски, – сказала мама. – Нельзя просто так беспокоить дряхлых пожилых людей.

– Он не дряхлый, – сказала Элизавет. – Он не иностранец. Не старый. И вообще не похож на затворника.

– Не похож на кого? – переспросила мама.

– Это к завтрему надо, – сказала Элизабет.

– У меня есть идея, – сказала мама. – Почему бы тебе все это не придумать? Представь, будто задаешь ему вопросы. И запиши ответы, которые он мог бы дать.

– Это должно быть правдой, – сказала Элизавет. – Это для новостей.

– Они никогда не узнают, – сказала мама. – Придумай. Настоящие новости тоже всегда придумывают.

– Настоящие новости никогда не придумывают, – сказала Элизавет. – Это же новости.

– Мы вернемся к этой дискуссии, когда ты немного повзрослеешь, – сказала мама. – Как ни крути, придумывать гораздо труднее. В смысле, придумывать хорошо, так, чтобы выглядело убедительно. Это требует гораздо больше умения. Знаешь что. Если ты все придумаешь и сумеешь убедить мисс Симмондс в том, что это правда, я куплю тебе «Красавицу и Чудовище».

– На видео? – переспросила Элизавет. – Правда?

– Угу, – сказала мама, повернувшись на одной ноге, чтобы взглянуть на себя сбоку.

– Но ведь наш видеопроигрыватель все равно сломан, – сказала Элизавет.

– Если убедишь ее, – сказала мама, – раскошелюсь на новый.

– Ты серьезно? – спросила Элизавет.

– А если мисс Симмондс отчитает тебя за то, что это выдумка, я позвоню в школу и заверю, что это не выдумка, а правда, – сказала мама. – Идет?

Элизавет села за компьютерный стол.

Если сосед и был стариком, он совершенно не был похож на стариков по телевизору, которые всегда выглядят так, словно их заперли внутри резиновой маски, только размером не с лицо, а по длине всего тела – от головы до пят, и если бы ее можно было сорвать или раскроить, то внутри мы бы обнаружили нетронутого, неизменившегося молодого человека, который просто шагнул бы из старой бутафорской кожи наружу – как, например, когда очищаешь от кожуры банан. Но пока эти люди заперты внутри этой кожи, их глаза, по крайней мере глаза людей во всех фильмах и комедийных программах, полны отчаяния, как будто они пытаются подать знак сторонним наблюдателям, не выдавая при этом секрет, что их захватили пустые старческие оболочки, которые теперь по какой-то зловещей причине поддерживают в них жизнь, подобно тем осам, что откладывают яйца в других существах, чтобы их вылупившемуся потомству было чем питаться. Только тут, наоборот, старая личность кормится молодой. Остаются только глаза – умоляющие, запертые за глазными впадинами.

Мама уже стояла у входной двери.

– Пока, – крикнула она, – скоро буду!

Элизавет выбежала в прихожую.

– А как пишется слово «элегантный»?

Входная дверь закрылась.

На следующий вечер после ужина мама закрыла блокнот «ньюзбук», заложив нужную страницу, вышла через черный ход и направилась через двор к еще залитой солнцем задней изгороди, наклонилась над ней и помахала блокнотом в воздухе.

– Привет, – сказала она.

Элизавет наблюдала с черного хода. Сосед читал книгу и пил вино из бокала в последних лучах солнца. Он положил книгу на садовый столик.

– А, здравствуйте, – сказал он.

– Я Венди Требуй, – сказала она. – Ваша соседка. Все собиралась прийти и познакомиться с вами, с тех пор как мы с дочерью вселились.

– Дэниэл Глюк, – сказал он, не вставая со стула.

– Очень приятно, мистер Глюк, – сказала мама.

– Дэниэл, пожалуйста, – сказал он.

У него был голос, как в старых черно-белых фильмах о военных летчиках в нарядных мундирах.

– В общем, очень не хочется вас беспокоить, – сказала мама, – но мне вдруг стукнуло в голову, и надеюсь, вы не будете против и вам это не покажется нахальством… Я подумала, что, возможно, вы прочитаете эту писульку, которую моя дочка сочинила для школы.

– Обо мне? – спросил сосед.

– Она прелестная, – сказала мама. – «Словесный портрет нашего ближайшего соседа». Не сказать, чтобы я сама очень хорошо с этим справлялась. Но я прочитала, а потом увидела вас во дворе и подумала, в общем… В смысле, это обворожительно. В смысле, я краснею от стыда, но там так мило о вас написано.

Элизавет была в шоке. С головы до пят. Как будто само понятие «шок» распахнуло пасть и проглотило ее целиком, точь-в-точь как старческая прорезиненная кожа.

Она шагнула за дверь, откуда ее не было видно, и услышала, как сосед скрипит стулом по плитке. Услышала, как он подходит к маме за изгородью.

Когда на следующий день она вернулась из школы, сосед сидел по-турецки на садовой ограде прямо у ворот, через которые нужно было пройти, чтобы попасть в дом.

Она остановилась как вкопанная на углу улицы.

Она пройдет мимо, сделав вид, что не живет в доме, где они живут.

Он не узнает ее. Она ребенок с совершенно другой улицы.

Она перешла улицу, как будто собиралась пройти мимо. Он распрямил ноги и встал.

Когда он заговорил, на улице никого больше не было, так что он однозначно обращался к ней. Не отвертеться.

– Здравствуй, – сказал он со своей стороны улицы. – Я надеялся, что, возможно, наткнусь на тебя. Я ваш сосед. Дэниэл Глюк.

– На самом деле я не Элизавет Требуй, – сказала она.

Она прошагала дальше.

– Ах вот оно что, – сказал он. – Ясно.

– Я другая, – сказала она.

Она остановилась на другой стороне улицы и обернулась.

– Это моя сестра написала, – сказала она.

– Ясно, – сказал он. – Что ж, как бы там ни было, мне все равно хотелось бы кое-что тебе сказать.

– Что? – спросила Элизавет.

– Просто я думаю, что ваша фамилия французского происхождения, – сказал мистер Глюк. – Кажется, она происходит от слов «трэ» и «буй», которые означают в переводе «очень» и «кипит».

– Правда? – сказала Элизавет. – Мы всегда считали, что она означает типа «чего-то требовать».

Мистер Глюк сел на бордюр и обхватил колени руками. Он кивнул.

– «Очень кипит» или «сильно кипит», кажется, так, да, – сказал он. – В этом есть что-то от народных масс. Как говорил Авраам Линкольн. От народа, о народе, для народа.

(Он не старый. Она была права. Ни один настоящий старик не сидит по-турецки и не обнимает вот так колени. Старики могут разве что сидеть в гостиных, как будто их оглушили электрошокером.)

– Я знаю, что мое… имя моей сестры, в смысле, имя Элизавет должно означать что-то типа «давать обет Господу», – сказала Элизавет. – Но это тяжеловато, потому что я совсем не уверена, что верю в него, в смысле, что она верит. В смысле, не верит.

– У нас с ней, – сказал он, – есть еще кое-что общее. На самом деле, учитывая события, которые мне случилось пережить, я бы сказал, что ее имя, Элизавет, означает, что когда-нибудь, вопреки всем ожиданиям, ее, вероятно, коронуют.

– Коронуют? – переспросила Элизавет. – Как вас?

– Гм… – сказал сосед.

– Лично мне кажется, что это было бы очень хорошо, – сказала Элизавет, – раз уж вы окружаете себя всем этим заумным искусством.

– А, – сказал сосед. – Согласен.

– А имя Элизавет означает это, даже если пишется через «в», а не «б»? – спросила Элизавет.

– Ну да, без сомнения, – сказал он.

Элизавет перешла на ту же сторону улицы, что и сосед, и встала немного поодаль.

– А что значит ваше имя? – спросила она.

– Фамилия означает, что я счастливый и везучий, – сказал он. – А имя – что если меня бросить в яму со львами, я выживу. Ну и если тебе когда-нибудь приснится сон и захочется узнать, что он означает, можешь спросить у меня. Мое имя также означает способность толковать сновидения.

– Правда? – спросила Элизавет.

Она села на бордюр слегка в сторонке от соседа.

– На самом деле у меня очень плохо получается, – сказал он. – Но я могу придумать что-нибудь полезное, забавное, проницательное и доброе. Нас это объединяет – тебя и меня. Как и способность становиться кем-то другим, если мы пожелаем.

– Вы хотите сказать, это объединяет вас с моей сестрой, – сказала Элизавет.

– Ну да, – сказал сосед. – Очень приятно было познакомиться с вами обеими. Наконец-то.

– Что значит «наконец-то»? – сказала Элизавет. – Мы переехали сюда всего полтора месяца назад.

– Друзья на всю жизнь, – сказал он. – Порой мы ждем их целую жизнь.

Он протянул руку. Она встала, подошла и тоже протянула руку. Он пожал ее.

– До скорого, нежданная королева мира. Не будем забывать и о людях, – сказал он.

После голосования прошло всего чуть больше недели. Флаги в деревне, где теперь живет мама Элизавет, развешаны над Хай-стрит в честь летнего фестиваля: красный, белый и синий пластик на фоне грозного неба, и хотя дождь еще не идет, а тротуары сухие, пластиковые треугольники так гремят на ветру друг о друга, что кажется, будто по всей Хай-стрит грохочет ливень.

Деревня нахмурилась. Элизавет проходит мимо коттеджа недалеко от автобусной остановки, на фасаде которого, над дверью и окном, черной краской намалеваны слова: «ВАЛИТЕ» и «ОТСЮДА».

Люди опускают глаза, отворачиваются или, наоборот, пристально вглядываются в нее. Люди в магазинах, где она покупает фрукты, ибупрофен и газету для матери, разговаривают с какой-то новой отчужденностью. Люди, мимо которых она проходит на пути от автобусной остановки до маминого дома, рассматривают ее и друг друга с каким-то новым высокомерием.

Мама говорит, что половина деревни не разговаривает с другой половиной, но ей самой практически все равно, поскольку никто в деревне с ней и так не разговаривает и никогда не разговаривал, хотя она живет здесь уже почти десять лет (тут мама слегка впадает в мелодраматизм), и она сама немного гремит, прибивая к кухонной стене старую карту Военно-геодезического управления, купленную вчера в магазине, где раньше сидел электрик и располагался магазин электроприборов, а теперь продаются пластиковые морские звезды, что-то наподобие керамики, кустарный садовый инвентарь и холщовые садовнические перчатки, которые выглядят так, словно их сделали по образцу утилитаристской утопии 1950-х годов.

– Такой магазин с такими вещами, которые выглядят мило, стоят больше, чем нужно, и словно убеждают тебя, что если ты их купишь, то заживешь правильной жизнью, – говорит мама сквозь зубы, придерживая два гвоздика.

Старая карта 1962 года. Мама провела гелевой ручкой красную линию вдоль всего побережья, отметив, где проходит новая береговая линия.

Она показывает пальцем местечко невдалеке от моря, на новой красной линии.

– Десять дней назад здесь рухнул в море домишко времен Второй мировой, – говорит она.

Она тычет в другую половину карты, подальше от берега.

– Здесь построили новый забор, – говорит она. – Взгляни.

Она тычет в слово «общинная» во фразе «общинная земля».

Видимо, на участке земли недалеко от деревни возвели трехметровый забор с колючим ленточным заграждением наверху. На столбах вдоль всей протяженности – камеры слежения. Он огораживает кусок земли, где нет ничего, кроме дрока, песчаных низин, пучков высокой травы, одиноких деревьев, куп диких цветов.

– Сходи посмотри на него, – говорит мама. – Ты должна что-то с этим сделать.

– Что я могу с этим сделать? – спрашивает Элизавет. – Я преподаю историю искусств.

Мама качает головой.

– Поймешь, что надо делать, – говорит она. – Ты молодая. Давай. Пойдем вместе.

Они идут по дороге с односторонним движением. По обе ее стороны растет высокая трава.

– Не верится, что он еще жив, твой мистер Глюк, – говорит мама.

– Так говорят почти все в «Молтингсе», – говорит Элизавет.

– Он уже тогда был таким старым, – говорит мама. – Ему, наверно, больше ста лет. Наверняка. В 90-х ему уже стукнуло восемьдесят. Помнишь, он ходил по улице, весь сгорбленный от старости.

– Этого я совсем не помню, – говорит Элизавет.

– Как будто нес на спине бремя всего мира, – говорит мама.

– Ты всегда говорила, что он похож на танцора, – говорит Элизавет.

– Старого танцора, – говорит мама. – Он был весь согнутый.

– Ты говорила, он гибкий, – говорит Элизавет.

Потом она говорит:

– Господи.

Груда сетки-рабицы пересекает путь, которым Элизавет проходила несколько раз, с тех пор как мама переселилась сюда, и преграждает дорогу, насколько хватает глаз, куда бы она ни повернула голову.

Мама садится на взрыхленный грунт возле забора.

– Устала, – говорит она.

– Тут же всего две мили, – говорит Элизавет.

– Я не об этом, – говорит она. – Я устала от новостей. Устала о того, как они муссируют одно и отвлекают внимание от другого – того, что поистине ужасно. Я устала от сарказма. Устала от злобы. Устала от подлости. Устала от корыстолюбия. Устала от того, что мы даже не пытаемся положить этому конец. Устала от того, что мы это поощряем. Устала от насилия, которое совершается, и от насилия, которое только на подходе, приближается, пока еще не совершилось. Устала от лжецов. Устала от оправданных лжецов. Устала от того, как лжецы этому потворствовали. Устала гадать о том, сделали они это по глупости или же намеренно. Устала от лживых правительств. Устала от людей,

которым уже все равно, лгут им или нет. Устала от того, что меня заставляют испытывать этот страх. Устала от агрессии. Устала от трусистости.

– По-моему, нет такого слова, – говорит Элизавет.

– Я устала от того, что не знаю правильных слов, – говорит мама.

Элизавет думает о кирпичах старого разрушенного домишка под водой, о том, как из их пор вырываются пузырьки воздуха, когда их накрывает прилив.

«Я кирпич под водой», – думает она.

Почувствовав, что дочь отвлеклась, мама откидывается на забор.

Элизавет, уже уставшая от мамы (хотя провела с ней всего полтора часа), тычет пальцем в маленькие зажимы, расположенные в разных местах на проволоке.

– Осторожно, – говорит она. – Кажется, она под напряжением.

По всей стране царили горе и радость.

По всей стране случившееся хлестало вокруг, словно электрический провод под напряжением, сорванный с опоры в грозу и хлещущий в воздухе по деревьям, крышам, машинам.

По всей стране люди чувствовали, что это неправильно. По всей стране люди чувствовали, что это правильно. По всей стране люди чувствовали, что они на самом деле проиграли. По всей стране люди чувствовали, что они на самом деле выиграли. По всей стране люди чувствовали, что они поступили правильно, а другие – неправильно. По всей стране люди искали в гугле: «Что такое ЕС?» По всей стране люди искали в гугле: «Переезд в Шотландию». По всей стране люди искали в гугле: «Заявление об оформлении ирландского паспорта». По всей стране люди называли друг друга мудаками. По всей стране люди чувствовали себя в опасности. По всей стране люди катались со смеху. По всей стране люди чувствовали, что получили легальный статус. По всей стране люди чувствовали себя ограбленными и испытывали шок. По всей стране люди чувствовали себя праведными. По всей стране людей тошнило. По всей стране люди чувствовали

бремя истории на плечах. По всей стране люди чувствовали, что история ничего не значила. По всей стране люди чувствовали, что их не принимали в расчет. По всей стране люди возлагали на это свои надежды. По всей стране люди размахивали флагами под дождем. По всей стране люди рисовали граффити со свастикой. По всей стране люди угрожали другим людям. По всем стране люди приказывали людям убираться. По всей стране медиа сходили с ума. По всей стране политики лгали. По всей стране политики размежевывались. По всей стране политики испарялись. По всей стране испарялись обещания. По всей стране испарялись деньги. По всей стране делами заправляли социальные сети. По всей стране дела складывались скверно. По всей стране никто об этом не говорил. По всей стране никто не говорил ни о чем другом. По всей стране разливалась расистская желчь. По всей стране люди говорили, дело не в том, что им не нравились иммигранты. По всей стране люди говорили, что все дело в контролировании. По всей стране все изменилось в одночасье. По всей стране имущие и неимущие остались такими же. По всей стране привычный крошечный процент людей выкачивал деньги из привычного огромного процента людей. По всей стране – деньги деньги деньги деньги. По всей стране – нет денег нет денег нет денег нет денег.

По всей стране страна раскололась на части. По всей стране страны плыли по течению.

По всей стране страна разделилась: тут забор, там стена, тут прочерчена линия, там перечеркнута линия,

линия, которую нельзя пересекать здесь,

линия, которую лучше не пересекать там,

красивая линия здесь,

танец в линию там,

линия, о которой ты даже не знаешь, проходит здесь,

линия, которую ты не можешь себе позволить, там,

целая новая линия огня,

линия фронта,

конец линии/строки,

здесь/там.

Это было в понедельник, обычным теплым днем в конце сентября 2015 года, в Ницце, на юге Франции. Люди вышли на улицу и уставились на фасад Дворца префектуры, вдоль которого быстро спустился длинный красный флаг со свастикой, закрывший собой балконы. Кто-то взвизгнул. В толпе закричали и стали тыкать пальцами.

Но это просто экранизировали мемуары, используя дворец для воссоздания отеля «Эксельсиор», где размещались контора и квартира офицера СС Алоиса Бруннера, после того как итальянцы сдались союзникам, а к власти пришла гестапо.

На следующий день «Дейли телеграф» опубликовала извинения местных властей за то, что они не предупредили в должной мере о планах съемочной группы людей, живущих в городе, и сообщила, что замешательство и оскорбление публики вскоре переросли в повальную съемку селфи.

В конце новостного сюжета был помещен интернет-опрос: «Вправе ли местные жители возмущаться вывешенным флагом? Да или нет?»

Проголосовали почти четыре тысячи человек. Семьдесят процентов ответили: «Нет».

Это было в пятницу, обычным теплым днем в конце сентября 1943 года, в Ницце, на юге Франции. Двадцатидвухлетняя Ханна Глюк (чье настоящее имя не значилось в ее документах, где она была названа Адриенной Альбер) сидела на полу в кузове грузовика. Подобрали пока девять человек, сплошь женщины, и ни с одной из них Ханна не была знакома. Она переглянулась с женщиной напротив. Та опустила глаза, потом снова подняла и еще раз переглянулась с Ханной. Потом обе опустили взгляд и уставились в металлическое днище

грузовика.

Не было никаких сопровождающих машин. Всего пять человек: водитель плюс охранник и один-единственный довольно молодой офицер спереди, да еще двое сзади, оба еще моложе. Кузов был наполовину открыт, а наполовину покрыт брезентом. Люди на улице могли видеть их головы и охранников, когда они проезжали мимо. Ханна услышала, как офицер говорил одному из мужчин сзади, когда она влезала в кузов: «Не волнуйся».

Но люди на улице их не замечали или старались не замечать. Они смотрели и отворачивались. Смотрели, но не видели.

Улицы были светлые и роскошные. Прекрасный солнечный свет, резко отражаясь от зданий, проникал в кузов грузовика.

Когда они остановились в переулке, чтобы подобрать еще двоих, Ханна снова встретилась глазами с женщиной напротив. Та шевельнула головой с едва заметным согласием.

Грузовик рывком остановился. Затор. Они выбрали самый идиотский маршрут. Ну и хорошо, обоняние подсказало ей: пятничный рыбный рынок, оживленно.

Ханна встала.

Один из охранников велел ей сесть.

Женщина напротив встала. Все женщины в кузове одна за другой встали по их примеру. Охранник заорал, чтобы они сели. Оба охранника заорали. Один пригрозил ружьем.

«Этот город к такому еще не привык», – подумала Ханна.

– Прочь с дороги, – сказала женщина, кивнувшая Ханне. – Всех не перебьете.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Буря», акт 4, пер. М. Донского.

2

Реймонд «Осси» Кларк (1942–1996) – английский модельер, одна из ключевых фигур «свингующих 60-х».

3

Уильям Сидни Грэм (1918–1986) – шотландский поэт, часто ассоциируемый с Диланом Томасом и неоромантической поэтической группой.

4

Эдуар Буба? (1923–1999) – французский фотограф. Здесь и далее примечания переводчика.

5

Здесь и далее перевод О. Сороки.

Купить: https://tellnovel.com/smit_ali/osen

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити